

УДК 81.511.131:81.161.1'374.822

Л.М. Ившин

Лингвистические особенности рукописных русско-удмуртских словарей Г.Е. Верещагина

Аннотация. В научно-отраслевом архиве Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН лежат два варианта рукописных русско-удмуртских словарей Г.Е. Верещагина, написанных, предположительно, в конце 19 – начале 20 века. Автор использует русскую графику того времени с добавлением латинских букв **i**, **q** и **j**. Памятники имеют некоторое отличие в графическом плане, на что наложило отпечаток время работы над ними. Словари ученого, базируясь, по его мнению, на промежуточном, наиболее распространенном диалекте – северноудмуртском, – вобрали в себя лингвистические особенности как срединных говоров, так и южных диалектов удмуртского языка.

Ключевые слова: Г. Верещагин, письменность, удмуртский язык, рукопись, словарь, графика, диалект.

L.M. Ivshin

Linguistic peculiarities of handwritten Russian-Udmurt dictionaries of G.E. Vereschagin

Summary. The scientific-industrial archive of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of Ural branch of the Russian Academy of Science has two handwritten Russian-Udmurt dictionaries of G.E. Vereschagin, written, presumably, in the late 19th- early 20th centuries. The author uses Russian graphics of that time with addition of Latin letters such as **i**, **q** and **j**. The dictionaries have some difference in graphics because of the time of their preparation. In the author's opinion the works, based on an interim, more widespread North-Udmurt dialect, received into itself linguistic features of both middle and southern dialects of Udmurt language.

Key words: G. Vereschagin, script, the Udmurt language, manuscript, dictionary, graphics, dialect.

В исследованиях по удмуртскому языку Г.Е. Верещагин известен прежде всего как автор сочинений «О книгах на вотскомъ языкѣ» и «Руководство къ изученію вотскаго языка», изданных в Казани в 1895 и 1924 гг. Помимо этого, в его наследии значительную долю составляют рукописные архивные материалы по лексикографии. К настоящему времени опубликовано несколько рукописных языковедческих работ ученого – грамматика и удмуртско-русские словари [1, 2, 3]. Из лингвистических рукописей остаются малоисследованными два русско-вотских (=русско-удмуртских) словаря удмуртского просветителя. В работах одних ученых [4, 118; 5, 24; 6, 6] об этих манускриптах имеются лишь отдельные упоминания, в

других освещены их графические и орфографические особенности [7, 167–170; 8, 211–217]. В данной статье мы попытаемся дать лингвистический анализ русско-вотских словарей Г.Е. Верещагина.

Общая характеристика

Анализируемые лексикографические работы представляют собой рукописи объемом 193 и 265 листов, состоящие из нескольких тетрадей. Записи произведены коричневыми чернилами четкой скорописью на листах бумаги, имеющих размер 29 X 22 см (том 1) и 22 X 17,5 см (том 2). Каждая рукопись представляет собой законченный вариант словаря. Обе лексикографические работы составлены на желтовато-белой бумаге разного типа: газетной, в клетку, в линию, неиспользованных и

частично использованных метрических книг и других специальных бланков, имевшихся под рукой Г.Е. Верещагина. Некоторые листы исписаны полностью в несколько столбцов. Можно предположить, что причиной такого размещения материала явился недостаток бумаги у автора. На обороте листа № 193 рукописи первого тома имеется несколько стихотворений Г.Е. Верещагина, что еще раз доказывает верность этого предположения. На рукописи, составленные в 20-х годах прошлого столетия, мог повлиять бумажный кризис, когда специальными приказами по всем учреждениям запрещалось писать размашисто, оставлять поля и незаполненные изнанки. Предлагалось использовать в качестве бумаги все сколько-нибудь на нее схожее [9, 108]. По предварительным подсчетам в каждой рукописи содержится около 13 тысяч словарных статей, но состав лексем в словарях не совсем одинаков.

В первом томе рукописи, в отличие от второго, имеется предисловие, в котором Г.Е. Верещагин указывает на причины, побудившие его к составлению русско-вотского словаря: *«Отсутствие в нашей литературе пособий к изучению вотского языка побудило меня составить «Русско-вотский словарь», являющийся результатом многолетних трудов»*, и дает некоторые грамматические сведения об удмуртском языке: *«В языке этом никаких разделений предметов на роды – мужской, женский и средний – нет; здесь только один общий род; для обозначения пола существуют особые слова»* [10, 2] (далее номера страниц анализируемых рукописей приводятся лишь с указанием номера тома).

Хотя в словарях нет точных сведений о времени их составления, датировку написания этих работ, исходя из особенностей их орфографии, мы можем поставить приблизительно. С другой стороны, наличие записей, сделанных карандашом и чернилами, наталкивают на мысль о том, что автор неоднократно возвращался к

своим рукописям, поэтому точную дату написания словарей угадать затруднительно. Первая рукопись (том № 2) предположительно создана (или по крайней мере работа над ее составлением начата) в конце XIX – начале XX века до принятия реформы русской орфографии 1918 года, поскольку в самом начале словаря, (в словарных статьях на буквы А, Б, В), в конце лексем, имеющих твердый конечный согласный, написана буква **ѣ**. Временем работы над второй рукописью [11] является период после принятия реформы русской орфографии в 1918 году, когда из русского алфавита были исключены буквы **і, ѣ, ѿ** и **ѣ** (последняя – в конце слов после твердых согласных). В частности, в русских словах данного словаря отмеченные буквы практически не использованы. Датировка второй рукописи возможна также по письму Г.Е. Верещагина, написанному младшему сыну: *«...в настоящее время я пишу русско-вотский словарь, написал уже 10 тетрадей...»*, которое подписано 1925 годом [12].

Графические и орфографические особенности

Г.Е. Верещагин в русско-вотских словарях использовал русскую графику того времени с добавлением латинских **i, q** (встречаются исключительно во втором томе рукописи словаря, в основном, в русских и латинских словах, в удмуртских же – в единичных случаях) и **j**.

Представим для наглядности алфавит, которым руководствовался автор при написании рукописей. Он составлен нами на основе удмуртского лексического материала словарей и состоит из 40 букв и их сочетаний:

Аа	Дз/дз	Ии	Нн	Сс	Шш	Ъѣ
Бб	Ее	Јј	Оо	Тт	щ	Юю
Вв	Ёё	й	Ӧӧ	Уу	ь	Яя
Гг	Жж	Кк	Пп	Хх	Ыы	'
Дд	Зз	Лл	Рр	Цц	ь	
Дж/дж	і	Мм	q	Чч	Ээ	

Таким образом, для записи удмуртских слов Г.Е. Верещагиным использованы:

1) общеизвестные буквы русского алфавита: Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Ёё, Жж, Зз, Ии, й, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Цц, Чч, Шш, щ, ь, Ыы, ы, Ээ, Юю, Яя;

2) знаки, представляющие собой буквы кириллицы или латиницы: і, Ј, ј, q;

3) сочетания букв и буквы, обозначающие специфические звуки удмуртского языка: Дж/дж, Дз/дз, Ёё;

4) надстрочный знак – поднятая вверх запятая (').

Стоит заметить, что буквы **і, й, q, щ, ь, ь** в удмуртских словах представлены лишь в строчном варианте, а знаки **х** и **щ** встречаются в единичных лексемах, заимствованных из русского языка, например: *Инмар-Христос Мумы* 'богородица' (1: 43 об.)¹; *роща, тэль* 'лѣс молодой' (2: 161 об.).

Рассмотрим подробнее графические особенности письменных памятников.

1. Буквой **и** или сочетанием **ьи** (иногда **ы**) в удмуртских словах для показания веллярности предшествующего согласного автор в абсолютном большинстве случаев обозначил звук *и*: *золтэм гозы-вылт'и ветлысь* 'акробат' (1: 10 об.); *кизили пилемен пытсаськемо* 'беззвѣздный' (2: 27 об.); *нюро инт'и* 'болотистый' (1: 44 об.); *н'изили, нугыли* 'макарены' (1: 13); *сьильтэк виртэк* 'безвещественно' (2: 22 об.); *сьятыны* 'выстудить' (2: 125 об.). В рукописи второго тома для передачи и в единичных удмуртских словах встречается латинская **і**: *төдјы кіо* 'бѣлорукій' (2: 70 об.); *чїэт* 'высокій ростом, но тонкій' (2: 124 об.); *шөй сіысь нумыр* 'гробожитель' (2: 131 об.). Эта буква в данном случае использована для обозначения инлаутного звукосочетания *-ий-*.

2. Другая латинская буква **ј** применяется в двух случаях:

а) для обозначения начального (и ин-

тервокального) **й**: *јылкей* 'дурак' (2: 136 об.); *јырјыны* 'глодать' (2: 128 об.); *кијыл карыны* 'мешать локтем пишущему' (1: 15); *мујыктэмъ* 'безусый – о человѣкъ' (2: 37); *пичи јыро* 'малоголовый' (1: 13); *ыжпти вајыны* 'ягниться' (1: 19 об.);

б) для обозначения палатальности предшествующего согласного перед гласной (**ө** или **ы** – в томе № 2 рукописи): *волјыт* 'ладенъкій' (2: 128 об.); *дзезјыны* 'выпарывать' (2: 122 об.); *нјöраны* 'выстегать' (2: 125). В первом томе рукописи словаря предшествующий палатальный согласный перед **ы** обозначен в основном последующей **ј** (в единичных случаях последующим мягким знаком), а перед гласной **ө** – только мягким знаком: *нъöраны* 'высечь' (1: 87); *созь, созјы* 'эдак' (1: 21); *тыны мулјы* 'желудь' (1: 22); *ылјыс боды* 'батог' (1: 35); *сьöрын* 'взади' (1: 55). Двойное обозначение мягкости согласного, предшествующего гласной, наблюдается и в вотско-русских словарях ученого [13, 8–9]. Причем следует заметить, что автор в своем печатном труде «О книгахъ на вотскомъ языкѣ» предлагал заменить буквы **й** и **ь** единообразно буквой **ј**, которая в положении после согласных выполняет функцию «смягчения» последних, а «послѣ гласныхъ служить вмѣсто русскаго й»: *пунјы* 'ложка', *сјусј* 'глина', *туј* 'береста' [14, 4–5]. Практически же это положение только отчасти получило свое воплощение в рукописных работах ученого.

3. Латинская **q** встречается в одном единственном случае только в рукописи № 2 и обозначает сложный удмуртский звук *күй-*: *қинь сэрго крезь* 'арфа' (2: 12). В других примерах в обеих рукописях звуки *күй-* и *күйа-* обозначены буквосочетаниями **куи** и **куа** соответственно: *куазь жобан* 'безведрие' (1: 36); *куинь сю* 'триста' (1: 154 об.); *куазь жобан* 'вьюга' (2: 127); *куара өвöло, куаратэм* 'беззвучный' (2: 27 об.); *куиней* 'тридневно' (2: 266); *ма-*

¹ Здесь и далее языковой материал Г.Е. Верещагина – независимо от того, как был представлен им самим – подается следующим образом: в алфавитном порядке сначала удмуртское слово или выражение – обычным курсивом, переводы на удмуртский язык заключаются в марровские кавычки, орфография оригинала рукописи полностью сохранена.

ин-ке шуккыса куара поттыны 'бацать' (1: 35) и др.

По поводу этой буквы Г.Е. Верещагин пишет следующее: «Не введен составителями и переводчиками вотских книг в свой алфавит еще необходимый латинский знак *q* ... < > ... [он] произносится как нечто среднее между *ку* и *кв*» [1, 15]. Можно предположить, что автор начал составлять второй том рукописи русско-вотского словаря еще до выхода этой книги, поскольку в ней (книге) слова с *куа*- написаны через начальную *q*: *qала* (шалаш), *qажы* (коропель), *qара* (голос). Опираясь на данное высказывание ученого и материалы рукописи № 2, временем составления второго тома словаря можно считать, возможно, 1890-е годы или их первую половину.

4. В разделительной функции и для обозначения велярности предшествующего согласного, в том числе в середине и конце слова, употребляются твердый знак (ь) и поднятая вверх запятая ('): *аштэм'яськыны*, *васям'яськыны* 'жадничать' (2: 138 об.); *ваменьяськыны* 'блажить' (2: 44); *дук'я дучес* 'беркут' (1: 40 об.); *куз'яськон* 'женитьба' (2: 139 об.); *пускаръяськыны* 'гнѣздиться' (2: 129 об.); *тямысэт'из толызь* 'август' (1: 10); *ус'ян* 'бороненья' (1: 45 об.). Надо заметить, что в первом томе рукописи поднятая вверх запятая употреблена и в разделительной функции, и для показания велярного согласного, предшествующего гласному.

5. Для обозначения своеобразных удмуртских аффрикат Г.Е. Верещагин применил как один знак – **ч** (как для велярной глухой *č*, так и палатальной *č*): *ичкалтыны* 'вырвать' (2: 123 об.); *пыч турын* 'блошница *Erigeron*' (2: 48); *чочен* 'безотдельно' (1: 38); *чуж нэнэ* 'баба' (1: 33 об.); *чужыса быттыны* 'вымести' (2: 121); *чушыны* 'вытирать' (2: 126); *шыр сивысь дучес* 'балабан' (1: 34) и **ж** (для велярной звонкой *ǰ*): *жигытакъ лэсьтысь* 'аккуратный' (2: 4), так и буквосочетания – **дз** (перед йотированными гласными, **и** и **ј** – для палатальной звонкой *ǰ*): *дзеч*

ивор веран 'благовествование' (1: 41 об.); *бордземьнъ*, *вордземьнъ* 'верхомь' (2: 79); *дзюзыр-дзязыр* 'мохра платья' (1: 17 об.); *дзязегъ* 'гусь' (2: 132); *Инмарез адзъысь* 'боговидец' (1: 43); *кырдыяса умме усъкытыны* 'баюкать' (1: 35) и – **дж** (для велярной звонкой *ǰ*): *джожон пызь*, *джожон съзьпызь* 'толокно' (2: 264 об.); *джокыт* 'духота в комнате' (1: 92 об.); *джужыт* 'высоко' (1: 80); *джужытъ жыло* 'высоко-верхий' (2: 124 об.); *джыны* 'половина' (1: 142 об.); *джытазе* 'вечеромь' (2: 80 об.) и др.

Во втором томе рукописи в единственном примере аффриката *ǰ* обозначена сочетанием **дз** с последующим мягким знаком: *бадзьымез* 'большой' (2: 56 об.).

Таким образом, рукописи вотско-русских словарей Г.Е. Верещагина имеют некоторое отличие в графическом плане, на что наложило отпечаток время над их составлением.

Диалектные особенности

В своих лингвистических трудах Г. Е. Верещагин один из первых среди удмуртских исследователей еще в конце XVIII столетия теоретически осмыслил важность и наметил определенные пути создания единого общепонятного для всего удмуртского народа письменного языка, хотя термин «литературный язык» в его работах еще не фигурирует. Он, по его мнению, должен вобрать в себя богатство всех основных диалектов, но базироваться на северном наречии («глазовском диалекте»), как одним из наиболее чистых и менее подверженных иноязычным влияниям [14, 7]. Такого же мнения позднее придерживался и Д.В. Бубрих: «Для строительства литературного удмуртского языка <...> надо выбрать северные диалекты, но не крайнюю северную их часть, а ту, которая приходится на среднюю часть Удмуртской области» [15, 8].

В обеих анализируемых рукописях встречается довольно большое количество грамматических форм, характерных именно для северных говоров удмуртского языка. Вот, например, самые заметные из них:

1) причастие «настоящего времени» от глаголов I спряжения образовано при помощи форманта *-ысь*: *адями сиысь* [ad'ami s'ijs'] 'антропофагъ' (1: 11 об.; 2: 10); *вунэтысь* [vunetis'] 'безпамятный' (2: 31); *дзеч лэсьтысь, дзеч карысь* [žeč les'is', žeč karijs'] 'благодѣтель' (1: 41 об.; 2: 43); *Инмарезъ яратысь* [inmarez jaratis'] 'боголюбвецъ' (1: 43; 2: 51); *Инмартэкъ улысь* [inmartek ulis'] 'безбóжникъ' (2: 20 об.); *книга гожтысь* [kn'iga gožtis'] 'авторъ' (1: 10; 2: 1 об.); *сьóлыке пыртысь* [s'uljike pirtis'] 'греховодникъ' (2: 132); *тышкась-кысь адями* [tiškaskijs' ad'ami] 'бранькò' (1: 46 об.; 2: 61); *чем бóрдысь* [čem burdis'] 'плакса' (1: 139 об.; 2: 178) и др.;

2) форма возвратного залога глаголов I спряжения образована при помощи суффикса *-ск-*: *адсконъ* [adskon] 'видѣние' (1: 57 об.; 2: 84 об.); *гожтскем* [gožtskem] 'рукоприкладство' (1: 112; 2: 241); *куасалскыны* [kuasalskijni] 'загибаться' (1: 25; 2: 142 об.); *сутскыны* [sutskijni] 'гореть пламенемъ' (1: 85; 2: 131); *ватскыны* [vatskijni] 'прятаться' (1: 149; 2: 232).

В словарях Г.Е. Верещагина наличествуют общеудмуртские слова в фонетическом оформлении северных говоров: *азбар* [azbar] 'двор' (1: 88; 2: 133 об.); *вичакъ* [vičak], *вочак* [vočak] 'все', *вичаклы шум потонъ сѣтысь* [vičakli šumpoton s'otis'] 'всевеселящій', *вичаксэ адзгысь* [vičakse ažžijs'] 'всевидецъ' (1: 69 об.; 2: 106); *вочаксэ быттысь* [vočakse bičtis'] 'всегубитель, всепагубный', *вочаксэ улаз возгысь* [vočakse ulaz voz'is'] 'вседержитель' (1: 70; 2: 106 об.); *вочакъ мылпотэмен* [vočak miłpotemen] 'всеохотно', *вочакъ дуньээн* [vočak dun'n'een] 'всесвѣтно' (1: 70 об.; 2: 107); *вочакъ вироэ сутонъ* [vočak viroe suton] 'всесожигаемый' (1: 70 об.; 2: 107 об.); *вонял* 'жила' (1: 23; 2: 140); *бокпро* 'жукъ' (1: 23 об.; 2: 140 об.); *бусы* [busi] 'поле' наряду с южноудмуртскими *луд* [lud] и *тарлау* [tarlau] 'тж.' (1: 142; 2: 24 об.); *иськавын* [is'kavijn] 'сосед изъ родни' (1: 187; 2: 53); *бече* [beče] 'сосед, сосед, рядом живущий' (2: 253 об.); *дзезы* 'ворота' (1: 65;

2: 99 об.); *кытцы* [kičci] 'куда', *кытцы-ке* [kičci ke] 'куда-нибудь' (1: 124; 2: 157 об.) (правда, в отношении подобных наречий с геминатой *-ци-* (*-сс-*) (орфографически *-ти-*) следует заметить, что они чресполосно встречаются не только в северных, но и в южных и периферийно-южных говорах удмуртского языка); *кужен* [kužen], *кужен-вамен* [kužen-vamen] 'напрямикъ' (1: 176; 2: 163 об.); *лекатыны* [l'ekatiŋi] 'осуждать' (1: 167 об.; 2: 183 об.); *лэсяна* [les'ana] 'кромѣ' (1: 123; 2: 156 об.); *мумы* [mumi], *нэнэй* [nenej], *ноной* [ponoj], *мемей* [memej] 'мать' (1: 5; 2: 163); *отцы-татцы ветлон* [occi-tacci vetlon] 'бродня' (1: 47 об.; 2: 64); *пальмон* 'удивление' (1: 102 об.; 2: 211); *паньтэм* [pan'tem] 'тѣзка' (1: 152; 2: 263); *сик* [s'ik], *нюлэс* [n'ules], *чатча* [čačča] 'лѣс', *сьод нюлэс* [s'ed n'ules] 'лес, лѣс темный' (1: 126 об.; 2: 161 об.); *тертскыны* [t'ertskijni] 'служить' (2: 250); *токма* [tokma] 'напрасно' (1: 176 об.; 2: 163 об.); *урттыл'иськыны* [urttilis'kijni] 'ябедничать' (1: 19 об.; 2: 192); *эбек* [ebek] 'лягушка' (1: 129 об.; 2: 162); *якма* [jakma] 'замок внутренний' (1: 27 об.; 2: 144 об.); *ялам* [jalam], *лапак* [lapak] 'постоянно' (1: 144; 2: 227) и др.

Хотя Г.Е. Верещагин принял в качестве основы словаря северное наречие (об этом красноречиво свидетельствует приведенный выше материал), тем не менее он не отказывался в употреблении фонетических форм и явлений, присущих и для других диалектов удмуртского языка.

Так, например, для срединных говоров характерно:

а) употребление аффрикаты *и* в середине слова: *ичкыны* [ičkijni] 'срывать' (1: 188; 2: 256); *лучканы* [lučkanij] 'воровать' (1: 65; 2: 99); *лучкем* [lučket], *лучкемен* [lučketen] 'тайно' (1: 151; 2: 262); *лучкемен кошкыны* [lučketen koškijni] 'увиливать' (1: 101 об.; 2: 210); *пучкын* [pučkijn] 'внутри' (1: 60; 2: 89 об.); *пучкысь вир кошкон* [pučkijis' vir koškon] 'кровотечение женское' (1: 123; 2: 156); *чоч* [čoč] 'вкупѣ' (1: 59; 2: 88);

б) отсутствие йотации между гласным конца основы и инициальным гласным служебной морфемы (чаще всего перед *a*, *o* и *ə*), например: *азьпалаэз* [az'palaez] 'будущее' (1: 48 об.); *бадзымалаэз* [bažžimaleaz] 'величина' (1: 53); *векчиомытыны*, *векчиомытыны* [vekčiomitjini] 'измельчать' (1: 114 об.; 2: 150 об.); *дуноаськыны* [dunoas'kijni] 'дорожить' (1: 91; 2: 135 об.); *дэриаськыны* [derias'kijni] 'грязниться' (1: 86 об.; 2: 132); *зарнианы*, *зарнианы* [zarn'ianj] 'вызолачивать' (1: 76 об.; 2: 117 об.); *капчiasькыны*, *капчiasькыны* [karčias'kijni] 'веселиться' (1: 54 об.; 2: 79 об.); *котьмаэ сивысь*, *котьмаэ сивысь* [kot'mae s'ivs'] 'всеядец' (1: 70 об.; 2: 107 об.); *куноась* [kunoas'] 'гоститель' (1: 85 об.; 2: 131); *сизым арняо* [s'iz'im arn'ao] 'семидневный' (1: 183; 2: 246 об.); *тырос кизилио*, *тырос кизилио* [tjros kiz'il'io] 'многозвездный' (1: 16; 2: 164 об.); *шудзиаськыны* [šuzias'kijni] 'блажить' (1: 42; 2: 44) и др.

Однако в случаях, когда основа слова оканчивается на *ы-*, а служебная морфема начинается с гласной *-a-*, йотация налична: *ворьяны* [vorijanj] 'колосники настлать' (2: 154); *выжыаськыны* [vižjas'kijni] 'плодиться' (1: 139 об.; 2: 121); *дыльдьяны* [dil'dijanj] 'выслюнивать' (1: 80; 2: 124 об.); *пинал гогьяны* [pinal gogijanj] 'бабничать' (1: 33 об.; 2: 15 об.); *тылыаськыны* [tilyjas'kijni] 'оперяться' (1: 164; 2: 180 об.); *усьян*, *усьянь* [usijan] 'боронение' (1: 45 об.; 2: 58 об.).

В обоих словарях довольно последовательно встречается другое фонетическое явление – очень редкое в удмуртских диалектах – стяжение сочетания середины основы слова типа *-рчч-* в *-рч-*: *курчыны* [kurčjini] 'откусить' (1: 169 об.; 2: 185); *нунал орчытыны* [nunal orčjini] 'провести время' (2: 230); *орчыны* [orčjini] 'пройти' (1: 147; 2: 231); *орчысь мурт* [orčjs' murt] 'прохожий' (1: 148; 2: 230 об.); *орчытъ* [orčjt] 'весьма' (1: 55; 2: 80); *парчаны* [parčani] 'потрошить' (1: 144 об.; 2: 227 об.); *перчыты* [perčjini] 'отвязать'

(1: 168; 2: 184); *сярчы* [s'arčj] 'рѣпа' (1: 111 об.; 2: 242); *урчыны* [určjini] 'плыть через край во время кипения' (1: 262 об.; 2: 221 об.). В настоящее время это явление обнаружено в кукморском и шошминском говорах и в бесермянском наречии, менее последовательно – в бавлинском, красноуфимском говорах и речи носителей отдельных населенных пунктов Ярского района Удмуртской Республики. Для абсолютного большинства удмуртских диалектов (северного наречия, срединных говоров, южного диалекта и некоторых периферийно-южных говоров) оно не характерно [16, 88–90; 17, 109–110]. Источником для вышеуказанных форм для Г.Е. Верещагина послужили, скорее всего, письменные памятники на казанском диалекте, для которых упрощение *-рчч-* в *-рч-* является обычным явлением (см. т.ж.: [18, 129–130]).

Для рукописей словарей Г.Е. Верещагина характерно также наличие довольно большого количества южноудмуртской лексики или общеудмуртских слов в фонетическом оформлении южных говоров, например: *адаш* [adaš] 'тезка' (1: 152; 2: 263); *апай* [apaj] 'старшая сестра' (1: 183; 2: 246 об.); *байтак*, *уно* [bajtak, uno] 'много' (1: 15 об.; 2: 164 об.); *бака* [baka] 'лягушка' (1: 129 об.; 2: 162); *бочы* [bočj] 'жук' (1: 23 об.; 2: 140 об.); *кайта* [kajta] 'следующий раз' (1: 184 об.; 2: 250 об.); *капка* [kapka] 'ворота' (1: 65; 2: 99 об.); *киар* [kijar] 'огурец' (1: 162; 2: 178 об.); *курданы* [kurdani] 'бояться' (1: 146; 2: 60); *кушкышы* [kuškjini] 'искать' (1: 115 об.; 2: 151 об.); *кызмет карыны* [kizmet karjini] 'служить' (2: 250); *ляльчи* [l'al'čj] 'слуга' (1: 185; 2: 250); *мактаськыны* [maktas'kijni] 'хвалиться' (1: 98 об.; 2: 206 об.); *мумы писэй* [mumj risej] 'кошка' (1: 122; 2: 156); *начар* [načar] 'бедный' (1: 35 об.; 2: 22); *тарлау* [tarlau] 'поле' (1: 142; 2: 24 об.); *тэкчась* [tekčas'] 'лягушка' (1: 129 об.; 2: 162); *тэльмырыны* [tel'mjriini] 'просить' (1: 147 об.; 2: 231); *чагиськыны* [čagis'kijni] 'ябедничать' (1: 19 об.; 2: 192).

Таким образом, язык анализируемых рукописных словарей Г.Е. Верещагина, базирясь, по его мнению, на промежуточном, наиболее распространенном диалекте – се-

верноудмуртском – вобрал в себя фонетические, морфологические и лексические особенности, характерные и для других диалектных ареалов удмуртского языка.

Условные сокращения:

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики

Литература

1. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В.М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 1: Труды по языкознанию / УИИЯЛ УрО РАН; отв. за вып. Л.Е. Кириллова; авт. предисл. и коммент. Л.Л. Карпова и Л.Е. Кириллова. Ижевск, 2002. 291 с. (Памятники культуры).
2. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В.М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / УИИЯЛ УрО РАН; отв. за вып. и авт. предисл., коммент. Л.М. Ившин. Ижевск, 2006. 288 с. (Памятники культуры).
3. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В.М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 3: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / УИИЯЛ УрО РАН; отв. за вып. и авт. предисл., коммент. Л.М. Ившин. Ижевск, 2011. 152 с. (Памятники культуры).
4. Кельмаков В.К. Г.Е. Верещагин и проблемы удмуртского литературного языка (к 225-летию первой удмуртской грамматики) // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. ст. / Отв. ред. В.М. Лудыкова. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2001. С. 118–125.
5. Кельмаков В.К. Дихотомия «диалекты – литературный язык» в трудах Г.Е. Верещагина // Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сб. ст. / УИИЯЛ УрО РАН; сост. В.М. Ванюшев, Т.С. Зыкина; отв. ред. В.М. Ванюшев. Ижевск, 2004. С. 24–32.
6. Кельмаков В.К. Г.Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2004. 140 с.
7. Ившин Л.М. Об одном из вариантов рукописного вотско-русского словаря Г.Е. Верещагина // Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сб. ст. / УИИЯЛ УрО РАН; сост. В.М. Ванюшев, Т.С. Зыкина; отв. ред. В.М. Ванюшев. Ижевск, 2004. С. 167–170.
8. Ившин Л.М. Рукописные русско-вотские (=русско-удмуртские) словари Г.Е. Верещагина // Nyelvtudományi Közlemények. 2012. 107. köt. 211–217 old.
9. Бруштейн А. Страницы прошлого. М., 1956. 128 с.
10. Верещагин Г. Русско-вотский словарь. Рукопись. Т. 1. РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 405. 193 л.
11. Верещагин Г. Русско-вотский словарь. Рукопись. Т. 2. РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 406. 265 л.
12. Письма Верещагина. Семейный фонд Верещагиных-Беренгартен. ЦГА УР. Р-1710. Оп. 1. Д. 1.
13. Ившин Л.М. К читателю // Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В.М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / УИИЯЛ УрО РАН; отв. за вып. и авт. предисл., коммент. Л.М. Ившин. Ижевск, 2006. С. 8–9. (Памятники культуры).
14. Верещагинъ Г.О книгахъ на вотскомъ языкѣ. Вятка, 1895. 21 с.
15. Бубрих Д.В. Из результатов работ удмуртской лингвистической экспедиции 1929 г. // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка: Сб. науч. ст. / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1992. С. 3–28.
16. Kel'makov V., Saarinen S. Udmurtin murteet (= Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen julkaisuja 47). Turku – Iževsk, 1994. 368 s.

17. Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1998. 386 с.
18. Кельмаков В.К. Нырысетй удмурт тодосчи // Вехи истории удмуртского языковедения / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкознания, РАН, УрО, Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. Ижевск: Удмурт. ун-т. С. 115–138.

References

1. Verewagin G. J. Sobranije sochinenij: V 6 t. / Pod red. V. M. Vanjusheva. T. 6. Kn. 1: Trudy po jazykoznaniju / UIIJL UrO RAN; otv. za vyp. L. J. Kirillova; avt. predisl. i komment. L. L. Karpova i L. J. Kirillova. Izhevsk, 2002. 291 s. (Pamjatniki kuljтуры).
2. Verewagin G. J. Sobranije sochinenij: V 6 t. / Pod red. V. M. Vanjusheva. T. 6. Kn. 2: Votsko-russkij slovarj [= Udmutsko-russkij slovarj] / UIIJL UrO RAN; otv. za vyp. i avt. predisl., komment. L. M. Ivshin. Izhevsk, 2006. 288 s. (Pamjatniki kuljтуры).
3. Verewagin G. J. Sobranije sochinenij: V 6 t. / Pod red. V. M. Vanjusheva. T. 6. Kn. 3: Votsko-russkij slovarj [= Udmutsko-russkij slovarj] / UIIJL UrO RAN; otv. za vyp. i avt. predisl., komment. L. M. Ivshin. Izhevsk, 2011. 152 s. (Pamjatniki kuljтуры).
4. Keljmakov V. K. G. J. Verewagin i problemy udmurtskogo literaturnogo jazyka (k 225-letiju pervoj udmurtskoj grammatiki) // Permistika 8: Dialekty i istorija permskih jazykov vo vzaimodejstvii s drugimi jazykami: Sb. st. / Otv. red. V. M. Ludykova. Syktyvkar: Izd-vo Syktyvkar. un-ta, 2001. S. 118–125.
5. Keljmakov V. K. Dihotomija «dialekty – literaturnyj jazyk» v trudah G. J. Verewagina // G. J. Verewagin i etnokuljturnoje razvitije narodov Uralo-Povolwja: Sb. st. / UIIJL UrO RAN; sost. V. M. Vanjushev, T. S. Zykina; otv. red. V. M. Vanjushev. Izhevsk, 2004. S. 24–32.
6. Keljmakov V. K. G. J. Verewagin i nekotoryje problemy udmurtskogo jazykoznanija / UIIJL UrO RAN. Izhevsk, 2004. 140 s.
7. Ivshin L. M. Ob odnom iz variantov rukopisnogo votsko-russkogo slovarja G. J. Verewagina // G. J. Verewagin i etnokuljturnoje razvitije narodov Uralo-Povolwja: Sb. st. / UIIJL UrO RAN; sost. V. M. Vanjushev, T. S. Zykina; otv. red. V. M. Vanjushev. Izhevsk, 2004. S. 167–170.
8. Ivshin L. M. Rukopisnyje russko-votskije (= russko-udmurtskije) slovari G. J. Verewagina // Nyelvtudományi Közlemények. 2012. 107. köt. 211–217 old.
9. Brunshitejn A. Stranicy proshlogo. M., 1956. 128 s.
10. Verewagin G. Russko-votskij slovarj. Rukopisj. T. 1. RF NOA UIIJL UrO RAN. Op. 2-N. D. 405. 193 l.
11. Verewagin G. Russko-votskij slovarj. Rukopisj. T. 1. RF NOA UIIJL UrO RAN. Op. 2-N. D. 406. 265 l.
12. Pisjma Verewagina. Semejnij fond Verewaginyh-Berengarten. CGA UR. R-1710. Op. 1. D. 1.
13. Ivshin L. M. K chitatjelju // Verewagin G. J. Sobranije sochinenij: V 6 t. / Pod red. V. M. Vanjusheva. T. 6. Kn. 2: Votsko-russkij slovarj [= Udmutsko-russkij slovarj] / UIIJL UrO RAN; otv. za vyp. i avt. predisl., komment. L. M. Ivshin. Izhevsk, 2006. S. 8–9. (Pamjatniki kuljтуры).
14. Verewagin G. O knigah na votskom jazyke. Vjatka, 1895. 21 s.
15. Bubrih D. V. Iz rezultatov rabot udmurtskoj lingvisticheskoj ekspedicii 1929 g. // Voprosy dialektologii i istorii udmurtskogo jazyka: Sb. nauch. st. / RAN. UrO. Udmurt. in-t IJL. Izhevsk, 1992. S. 3–28.
16. Kel'makov V., Saarinen S. Udmurtin murteet (= Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen julkaisuja 47). Turku – Iževsk, 1994. 368 s.
17. Keljmakov V. K. Kratkij kurs udmurtskoj dialektologii: Vvedenije. Fonetika. Morfologija. Dialeknyje teksty. Bibliografija. Izhevsk: Izd-vo Udmurt. un-ta, 1998. 386 s.
18. Keljmakov V. K. Nyrasjeti udmurt todoschi // Vehi istorii udmurtskogo jazykovedjenija / Udmurt. gos. un-t. Kaf. obw. i finno-ugor. jazykoznanija, RAN, UrO, Udmurt. in-t istorii, jaz. i lit. Izhevsk: Udmurt. un-t. S. 115–138.